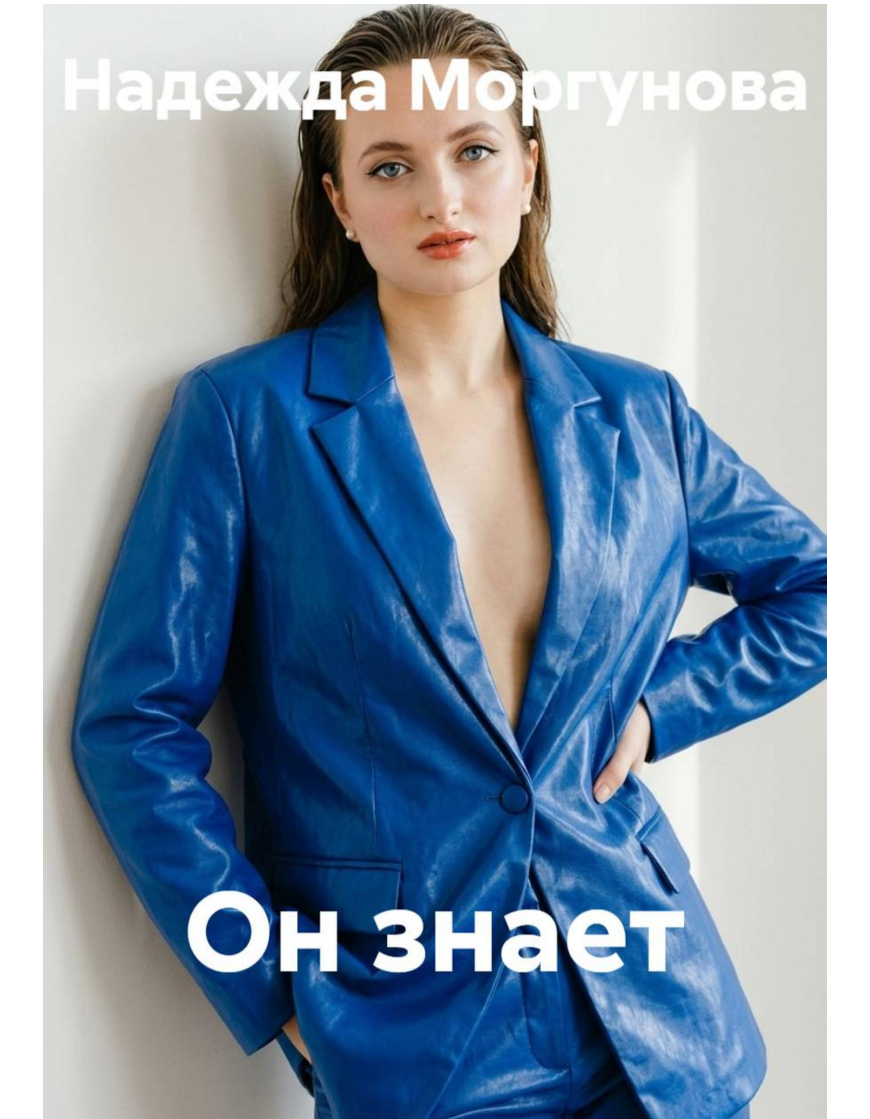

A full-page portrait of a woman with long, wavy brown hair and blue eyes. She is wearing a bright blue, shiny leather blazer with a deep V-neckline and a single button. She is leaning against a light-colored wall with her right hand on her hip and her left hand in her pocket. The lighting is soft and even.

Надежда Моргунова

Он знает

Надежда Моргунова

Он знает

<https://litres.ru/74382023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он пригласил её на закрытый кинопоказ. Дал ведро попкорна — как в настоящем кинотеатре. Усадил в кресло. На экране — её бывший муж. Тот самый, которому она платила. Он стоит в студии Малахова в Москве и рассказывает об их ребёнке. О сыне, которого она прятала от триады в Шанхае. Которому красила волосы в русский цвет. Которого называла бастардом, чтобы спасти ему жизнь.

Ли Синь смеётся, читая субтитры. Синь сидит злая, униженная, и не знает, куда деться.

Передача заканчивается. Ли Синь щёлкает пультом — новый кадр.

Хроника. Её бывший муж застреливается. Пуля в висок. Красное пятно на мраморе.

Ли Синь щёлкает снова. На экране — её одиннадцатилетний сын. Он сидит в окружении старейшин триады и получает подарки. Улыбается.

Синь становится плохо. Гипертонический криз. Врач позже скажет Ли Синю: «Если вы не оставите её в покое — она умрёт». Но Ли Синь уже всё решил. Он усыновил ребёнка. Дал ему своё

имя. Триада в восторге от его благородства. Мальчика отправляют в лучшую школу Китая.

Надежда Моргунова

Он знает

Глава 1. Закрытый кинопоказ.

Ли Синь вошёл в гостиную с такой улыбкой, будто у него сегодня день рождения. Это меня всегда настораживало. Когда он улыбался слишком широко, кто-то обязательно умирал.

— Синь, идём, — сказал он, протягивая мне руку. — Я приготовил сюрприз.

Я не взяла его руку. За одиннадцать лет я научилась не брать то, что он протягивает, если это не было деньгами или документами.

— Что за сюрприз?

— Кинопоказ. Закрытый. Только для нас.

— Мне уже не нравится эта идея, — сказала я, но встала. Потому что у меня не было выбора.

Он провёл меня в малый кинозал. Там стояло два кресла — как в настоящем кинотеатре, только дороже. Между ними — столик. На столике стояло ведро попкорна. Огромное. Такое, что могло бы накормить всю триаду. И две колы. Со льдом. В бокалах.

Я замерла. Это было так нелепо, так по-детски, что я на секунду забыла, с кем имею дело.

— Садись, — сказал он, хлопая меня по плечу. — Сейчас

начнётся самое интересное.

Я села. Взяла в руки ведро с попкорном, чувствуя себя идиоткой. Колу. Лёд звякнул о стекло.

— Мы будем смотреть кино? — спросила я.

— Мы будем смотреть правду, — ответил Ли Синь и щёлкнул пультом.

Экран засветился. И я увидела его. Своего бывшего. Того самого подставного мужа. Он сидел в студии Малахова в Москве и что-то говорил. Говорил так уверенно, так пафосно, будто он был героем, а не ничтожеством.

На экране появились субтитры. Ли Синь засмеялся, читая их. Я смотрела на экран и чувствовала, как лицо заливается краской. Он рассказывал про ребёнка. Про моего ребёнка. Про второго сына в России. Он рассказывал всё, что знал. И даже то, чего не знал.

«Она родила от этого мужчины. Я помог ей. Я стал отцом для этого ребёнка. А потом она сбежала в Китай к этому бандиту...»

Я сжала подлокотники кресла. Попкорн выпал из рук и рассыпался по полу.

— Ешь, ешь, — сказал Ли Синь, пододвигая ведро обратно. — Ты же любишь попкорн. Я специально заказал.

Я смотрела на экран. Час. Целый час я сидела и смотрела на этого мерзавца. Он врал. Плел какую-то чушь. Называл себя отцом. Рассказывал о ребёнке, которого видел два раза в жизни. И каждое его слово было как пощёчина. Пощёчина

мне. Пощёчина моему сыну.

— Он в России, — бормотал бывший. — Она спрятала его там. Я знаю, где он. Я найду его...

— Он не знает, — прошептала я. — Он понятия не имеет...

Ли Синь засмеялся. Громко. На весь кинозал.

— Конечно, не знает, — сказал он, тыкая пальцем в экран. — Он думает, что ребёнок в России. А ребёнок здесь. У нас. Смешно, да?

Я молчала. Я не могла говорить. Слезы душили меня, но я не плакала. Я не имела права плакать перед ним. Я держала лицо. Я всегда держала лицо.

Передача закончилась. Ли Синь взял пульт и что-то нажал.

— А теперь смотри, — сказал он. — Это самое интересное.

Экран сменился. Кадры хроники. Новостной сюжет. Шанхай. Наш холл. Я узнала его сразу — эти колонны, эти люстры, эта мраморная лестница. И в центре холла — мой бывший. Он стоял с пистолетом. Его лицо было мокрым от слёз. Он что-то кричал — я не слышала, но видела, как он кричал. А потом он поднёс пистолет к виску и нажал на спуск.

Я не закричала. Я не вздохнула. Я просто сидела и смотрела, как тело падает на мраморный пол. Красное пятно расплывалось под ним, как цветок. Красивый. Красный.

— Он сам, — сказал Ли Синь, довольный. — Я не трогал.

Он сам. Ты видела? Я не трогал. Просто дал ему выбор. Он выбрал.

Я смотрела на экран. Мои руки дрожали. Я не могла их остановить.

— Хочешь ещё? — спросил Ли Синь, улыбаясь. — Я сделал много кадров. Это только начало.

Я ничего не ответила.

Он нажал ещё раз. Экран сменился. Я увидела своего сына. Своего старшего сына. Того, которого я спрятала в Шанхае одиннадцать лет назад. Он сидел в комнате, которую я не узнавала. Вокруг него были старейшины. Те самые, из триады. Те, кто решал судьбы людей, как шахматные фигуры.

Они что-то давали ему. Подарки. Коробки. Красные конверты. Сын улыбался — наивно, по-детски. Он не понимал, кто эти люди. Он не знал, что они держат в руках его судьбу.

Моё сердце сжалось. Я попыталась встать, но ноги не слушались. Мир поплыл перед глазами. В ушах зашумело.

— Синь? — голос Ли Синя донёсся откуда-то издалека. — Синь, что с тобой?

Я упала с кресла. Я не почувствовала удара — только темноту. Только тупую боль в груди. Только чувство, что сейчас я умру. И что это будет хорошо.

Я услышала его голос. Он кричал. Кричал на кого-то.

— Врача! Быстро! Немедленно!

А потом была тишина. И я подумала: наверное, это конец. Наверное, это мой последний танец.

Но я ошиблась. Это был только первый акт.

Глава 2. Под теплым крылом мафии.

Я открыла глаза. Потолок плыл. Белый. Слишком белый. Как в больнице. Но это не больница. Это моя спальня. Моя клетка.

— Какого черта она уже три часа в отключке?! — голос Ли Синя разрывал тишину. — Что с ней?! Живо! Верните мне её, немедленно!

Я повернула голову. Он стоял у окна, сжимая телефон в руке, и кричал на кого-то. Кричал так, будто от этого зависела его жизнь. Я смотрела на него и не узнавала. Он был напуган. По-настоящему напуган. Я видела это в его глазах, в дрожащих руках, в том, как он метался по комнате.

— Ли Синь, — прошептала я. Голос был чужим. Хриплым.

Он обернулся мгновенно. Подбежал к кровати, упал на колени, схватил мою руку. Его ладони были влажными. Он дрожал.

— Синь! Синь, ты меня слышишь?

— Перестань орать, — сказала я. — У меня голова болит.

Он замер. Посмотрел на меня. Я видела, как в его глазах сменяется страх облегчением. А потом — злостью. Обычной, привычной злостью, которую он надевал как маску.

— Три часа, — сказал он. — Три часа ты была в отключке. Врачи сказали — гипертонический криз. Ты чуть не умерла, Синь.

— Я жива, — сказала я. — Где мой сын?

Ли Синь нахмурился. Отпустил мою руку и встал.

— Твой сын? Который?

— Старший, — сказала я. — Тот, которому дарили подарки. Где он?

Ли Синь усмехнулся. В этой усмешке было что-то новое. Что-то, чего я раньше не видела. Или просто не замечала.

— Да черт возьми, тут он, — сказал он и повернулся к двери. — Позовите мальчика!

Я смотрела на него с недоверием. Он что-то задумал. Я чувствовала это. Он всегда что-то задумывал. Но сейчас я была слишком слаба, чтобы гадать, что именно.

Дверь открылась. Вошёл мой сын. Мой старший сын. Тот, которого я прятала одиннадцать лет. Тот, чьи волосы я красила в русский цвет. Тот, чей китайский до сих пор хромал. Он держал в руках цветок. Обычную белую розу.

— Мама, — сказал он. — Ты как?

Я не знала, что ответить. Я смотрела на Ли Синя. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и улыбался. Улыбался своей коронной улыбкой. Улыбкой человека, который знает, что держит в руках все карты.

— Подойди, — сказала я сыну. — Иди сюда.

Он подошёл. Протянул мне цветок. Я взяла его. Лепестки были мягкими. Холодными.

— Он дал мне подарки, — сказал сын, кивая в сторону Ли Синя. — Много. И сказал, что теперь я буду жить здесь.

Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.